

Словесность и торговля

Републикация и примечания Льва Соболева

Оригинал здесь: газета "Литература", No 36/2003.

Ты спрашиваешь у меня, мой друг, о современном состоянии нашей словесности. Ты хотел бы отдать себе отчёт в том, какую мысль выражает русское слово в настоящую минуту нашего существования? чем занята наша дума, о чём наша нравственная забота? Всё это, по твоему мнению, содержится в произведениях словесности; всё это, по мелочи, высказывается в ней, -- и ты хотел бы из всей этой массы слов извлечь одну идею -- и тем определить современное направление отечественного слова. Ты думаешь, что, не разрешив себе этого вопроса, невозможно определить верно и точно ни характера частных произведений, составляющих эту общую массу словесности, ни характера писателей, из которых каждый есть частица народного ума, выраженного в слове; ты думаешь, что, не отправившись от этой точки, нельзя решить, почему такие-то роды у нас господствуют, почему такие-то сочинения особенно привлекли счастливое внимание публики, какую роль играют журналы, какой характер приняла критика? -- Одним словом: по твоему мнению, только объяснив себе настоящую минуту нашей умственной жизни, определив, на какой степени мысли и образования стоит русский народ, оправдывая тем усилия славных поборников, содействовавших и содействующих к его нравственному величию, только сказав себе: о чём мы теперь думаем? -- мы можем решить вопрос: что мы пишем?

Твоя точка зрения слишком высока; сойди, мой друг, с этого Шимборазо¹ критики. Ты взбираешься на него, чтобы полным взором окинуть всё царство русского слова, -- напрасно, ты ошибаешься. На Шимборазо земли не увидишь: туманы от тебя её закроют. Нет, спустимся на землю, чтобы видеть землю; положим, что мы и не обозрим всего горизонта нашей словесности, но зато вернее определим то, что увидим около себя, вернее объясним то, что объясняется гораздо проще, нежели ты воображаешь. Начнём с самого *земляного* взгляда на нашу словесность -- и посмотрим на то, что прежде всего в глаза бросается. Конечно, это будет "Библиотека для чтения", которая двенадцать раз в прошедшем году тебе кидалась в глаза. Она -- постоянная представительница живого бытия нашей словесности, представительница, носившая на своём челе венец из всех имён, славных и неславных, составляющих почти весь круг нашего пишущего мира, но теперь сбросившая его с себя, как ненужную тягость, как лишнюю прикрасу сознанного величия и могущества! Она -- огромный пульс нашей словесности, двенадцать раз в году толстым томом ударяющий по вниманию читателей, -- и если бы критика, этот медик литературы, захотела узнать о здоровье нашего русского слова, -- за "Библиотеку" она должна взяться и по движению этого пульса судить о состоянии нашей словесности. -- Но что такое "Библиотека"? Думал ли ты об этом? Рассуждал ли ты об её происхождении? Олицетворяет ли она собою какие-нибудь литературные мнения, принадлежащие известной школе? Намерена ли она представить образцы вкуса и тем направлять наше эстетическое образование? -- Всё это вопросы посторонние, нимало не относящиеся к моему настоящему взгляду на нашу словесность. "Библиотека для чтения" есть просто пук ассигнаций, превращённый в статьи, чрезвычайно разнообразные, прекрасные, но более плохие, редко занимательные и часто скучные. -- Ты изумляешься моему определению. -- А этот новый роман, который у нас успел уже сделаться старым и долетает к вам со всею прелестью свежести и новизны, и ещё пахнет своею колыбелью -- типографией? Ты хочешь связать мысль этого романа с веком, разгадать в нём черты современности, сквозь прозрачную картину отдалённой жизни, которую будто бы он изображает, прочесть думу и характер нашей эпохи? -- Я смотрю совершенно иначе на этот роман. Ты видишь в нём что-то отвлечённое, а я вижу в нём гораздо более существенное, -- а именно, ту деревню, в которую превратил его автор.

Да, да, -- мой взгляд на современную нашу литературу будет ныне совершенно материальный. На журналы я смотрю как на капиталистов. "Библиотека для чтения" имеет для меня пять тысяч душ подписчиков. "Северная Пчела", может быть, вдвое. Замечательно, что эти журналы ещё в том сходятся с богачами, что любят хвастаться всенародно своим богатством. -- И эти души подписчиков гораздо вернее, чем твои оброчные: за ними никогда нет недоимки; они платят вперёд, и всегда чистыми деньгами, и всегда на ассигнации. -- Вот едет литератор в новых санях: ты думаешь, это сани. Нет, это статья "Библиотеки для чтения", получившая вид саней, покрытых медвежьей полстью, с богатыми серебряными когтями. Вся эта бронза, этот ковёр, этот лак чистый и опрятный -- всё это листы этой